Михаил КОНОВАЛЬЧУК

Фауна по имени Флора

Киносценарий

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Каждый уважающий себя человек должен написать хоть один роман. Он может быть невидимым, написанным симпатическими чернилами. Но для автора факт существования собственного романа придает ему в его же глазах собственный вес. Он сам на себя начинает смотреть по-другому, порой даже с интересом – хоть я человек заурядный, но роман-то написал. Осмыслил пройденный путь, составил собственное мнение о текущих событиях. Это особенно важно в эпоху, когда человек не знает, ради чего живет. Да и когда, впрочем, он знал? А написав роман, он может не рожать крикливых детей, строить дом и сажать деревья. Он одним махом выполнил все эти предназначения и тогда уж, если ему захочется, может и родить, и построить, в том числе, и посадить.

Я долгое время писал роман под названием "Роман". По мере его написания его экранизировали. Целиком и частично. Более удачно и менее удачно. Менялись фамилии персонажей, места их проживания. Даже досочинялись события, происшедшие не с ними, но это все реальные люди, поскольку я документалист, и все события, описанные мною, являются событиями, которые я наблюдал, изучал, а также сам в них участвовал.

Любые совпадения описываемых событий и персонажей с другими описанными событиями и персонажами естественны, и описание их, как и фиксирование на различные носители, только приветствуются автором.

Мих. Коновальчук

Действующие лица:

1. Кир – 40 лет. "Солдат удачи", видимо, авантюрист.
2. Малыш – 17 лет. Юноша.
3. Флора – 19 лет. Как всякая девушка – то Мария, то Магдалина, глухонемая сирота.
4. Пахом – 40 лет. Художник-монументалист.
5. Ли Бо – 40 лет. Чукча, выдающий себя за корейца.
6. Диля – 50 лет. Нецелованная девушка.
7. Гарик – лицо кавказской национальности, еврей.
8. Валеев – водолаз .
9. Кандыба – тралмастер.
10. Коденко.
11. Профессор Иван Иванович.
12. Мент. (Федорцов)
13. Мать Малыша.
14. Маленькая девочка, сестра.
15. Цыгане – невидимый табор.
16. Взвод морских пехотинцев – невидимый.
17. Девушка-скорпион.
18. Рыбаки и жены рыбаков.
19. Рыбообработчицы.
20. Заяц – судьба в таком странном обличии, то видимый, то невидимый, в животном воплощении.
21. Пугало.
22. Купина неопалимая-невидимая

ПИРС. ПАКГАУЗЫ. РАННЕЕ УТРО.

Коденко и Кандыба возятся с компрессором. Совершенно голый Загубник нетерпеливо топчется на берегу, продувая и раскручивая длинный тонкий шланг, подсоединенный к компрессору.

– Есть контакт! – крикнул Валеев, вдохнув полной грудью из шланга.

– Поехали! – торжественно и в один голос крикнули тралмастер Кандыба и Коденко.

Валеев, раздвигая волны могучим телом, настолько поросшим густой шерстью, что казалось, будто он был одет в скафандр, прошел десяток метров и, ухнув, исчез под водой.

Дружбаны весело крутили колесо компрессора, нагнетая воздух в необъятные легкие Валеева.

А сам он погрузился на дно.

Валеев занялся "тихой охотой" – собирал в большую авоську под названием "киса", бутылки. Он плавно перемещался по дну от объекта к объекту и часть предметов, словно потревоженные им морские гады, неторопливо и чинно всплывали на поверхность морщинистого моря.

Сначала всплыла бутылка, потом еще две, одна за другой, а там уже и косяк, подхвативший с собой со дна всякую несуразность.

Много их осталось после захода сюда рыболовецкой флотилии. По утрам рыбачки просыпались под "малиновый" звон – ветром прибивало косяки бутылок к борту, волна шевелила их, и в воспаленных мозгах рождалась райская музыка похмелья.

Как всегда, крепко погужбанили рыбаки, некоторые так и не смогли вернуться на родной борт и остались в гостеприимном Бичхоле. И тралмастер, и Валеев, и Коденко, и многие другие.

Оставались, кто до весны, а кто и навсегда приживался здесь. И недаром неслась кандальная песня над волнами:

Я до весны, до корабля
Не доживу когда-нибудь,
Не пухом будет мне земля,
А камнем ляжет мне на грудь.

Песней это можно было назвать весьма условно. Если рев души можно было так назвать, то конечно...

То ли от шума, то ли оттого, что Валеев "мышковал" на дне, на поверхность вдруг стали всплывать различные предметы: проржавевшая бочка, два левых сапога, но вполне приличных, можно носить, спасательный круг, книга "Техника безопасности при работе с отбойным молотком ОМ-750", а затем всплыл утопленник.

Легкий предутренний бриз прибил его к берегу, и он заколыхался на мелководье, словно отпускник на южном берегу Крыма.

– Мать твою, – почему-то вспомнил Коденко маму тралмастера, и они оба оцепенели.

Колесо компрессора, крутанувшись по инерции еще пару раз, остановилось – в бурунах синим китом явился Валеев и стал жадно хватать воздух, наконец, отдышавшись (он вышел из воды с полной кисой).

Утопленник вдруг шевельнулся и из него ударил фонтан.

На протяжении всех событий утопленник повторял:

– Ме, каго эн Вейнте кватро кохонес де дхе апостолес тем бьен эн конья деля вирхен путана Мария!

Валеев отшатнулся, а дружбаны, разом заорав, бросились бежать. И так силен был их ужас, что еще долго раздавались крики то там, то здесь и затихли только на Майдане у лавки Ли Бо.

Солнце поднялось из-за линии горизонта, из-за моря, ровно наполовину, да так и застыло, было непонятно – то ли сейчас поздний вечер, то ли раннее утро.

ПОСЕЛОК. РАННЕЕ УТРО.

Солнце неожиданно появилось из-за Горы, и первый луч брызнул в Поселок, попал на одно из зеркал солнечных часов, стоявших на майдане, площади перед лавкой Ли Бо. Они были выполнены в виде высокой пирамидальной башни с вмазанными в дикий камень зеркалами.

Лучик метнулся в окошко к...

После того, как Пахом, художник-монументалист, соорудил в Бичхоле солнечные часы, потребность в иных отпала. Следует сказать, что Ваня поселился здесь, чтобы создать шедевр монументального искусства в Скале – он рубил ее изнутри, предпочитая форме содержание.

... Пахому. Тот с кистью в левой руке, зажатой между безымянным пальцем, мизинцем и большим, сидел верхом на обнаженной девушке и наносил правой уколы, мало-помалу следы иглы стали обретать очертания огромного Скорпиона.

Вошел носатый, профессорского вида человек. Отводя глаза, прокашлялся. Запылился с дороги.

– Флеш? Трибальт? Кельт? – строго спросил Пахом, словно врач, перекидывая слюнявую самокрутку из одного уголка рта в другой.

– Тана, – тихо сказал профессор.

– Таня? – переспросил Пахом.

– Тана, – уточнил профессор.

Видимо, смерть почуял, носатый, решил с именем любимой слечь в сырую землю. Кто она? Та девчонка из глубинки, что фыркала на будущего профессора и называла его козлом, или однокурсница, от взгляда на которую у него шумело в голове и холодели руки, или та, юная, не сдавшая зачет, пришедшая к нему домой, слабо сопротивлявшаяся перед его трусливым напором?

– Раздевайтесь, – скомандовал Пахом, и профессор послушно стал снимать штаны.

– Там что ли? – удивился Пахом.

– Где? – не понял профессор.

– На заднице? – уточнил Пахом.

– На груди! – оскорбился профессор.

– Ну, а штаны зачем снимать?

Профессор хлопнул себя по лбу.

Пахом слез с девушки. Та, завернутая в измазанную тушью простыню, брезгливо оглядела обнаженный торс профессора: на впавшей груди седые волосы, синее брюхо, как елочная игрушка.

– Сколько? – спросила девушка.

Пахом ничего не ответил, только смотрел на девушку и улыбался. То ли от сравнения с профессором, то ли от иглоукалывания, девушка смущенно отвела глаза.

– Где? – промелькнул в воздухе вопрос, не то губами, не то выражением ее глаз.

– Станок там, – показал глазами Пахом на занавесочку, за которой стоял топчан.

А в это время лучик дополз по стенке до окошечка и шмыгнул через овраг прямо в окно, потух в одном осколке зеркала...

... но тут же всплыл в другом и метнулся к окошку лавки Ли Бо.

Ли Бо по-кошачьи зевнул и, не одеваясь, приступил к сложной китайской гимнастике.

На его плече, там где у морпехов парашют и якорь, синела наколка "инь-янь" в виде двух рыбок – черной и белой.

Ли Бо, корец, вернее чукча, выдающий себя за корейца, кроме того утверждавший, что мать его – китаянка, держал лавку на Майдане, и не то чтобы процветал по торговой части, но прочно стоял на ногах и был также необходим Поселку, как и Солнечные часы. Случись что с ним – завяла бы жизнь в Поселке, и он это понимал и сознавал всю меру ответственности.

Ли Бо оделся и приступил к своим ежедневным заботам. Нужно срочно готовить напитки, прежде всего.

Ли Бо налил себе рюмочку настойки "женьшень" выпил.

Стойка бара в лавке Ли Бо была заставлена всеми видами напитков, рассчитанных на самый изощренный вкус: портвейн, лосьон, одеколоны, шило, чимергес, косоротовка, шняга, чикиндролиз, тормозная жидкость, политура.

Все, что горит!

А бутерброды с гуталином?

А зубной порошок?

А просто брага на табаке?

Нужно срочно готовить лосьон и водку, и портвешок открыть загодя, в зависимости оттого, кто и что вчера пил. А он уже давно по выхлопу, по шмону научился определять, кто и что пил вчера и безошибочно наливал: после водки – лосьон, после портвешка – водку, а после лосьона – лосьон и портвейн. Волей-неволей изучаш вкусы клиентов, а у него клиент был привередлив и требователен, особенно, если при деньгах.

Кроме того, нужно было внимательно просмотреть "Книгу жалоб и предложений" – толстую, амбарную книгу, в которую клиенты записывали все свои жалобы и предложения.

Ли Бо открыл книгу где-то посередине, где была заложена закладка, она же – карандаш на веревочке, чтобы не сперли.

"Болит голова, больше не пью" – Валек.

"И меньше тоже" – Валек. "Ха-ха".

А вот и свежий анекдот: "Чукча", – тут Ли Бо передернуло в который раз, – нашел зеркало на помойке, посмотрел и сказал: "Я бы сам выбросил такую фотографию".

– Умники! – неодобрительно покачал головой Ли Бо.

В витрине с напитками стоял черно-белый телевизор, по которому все время передавали "Лебединое озеро"

А вот и первые клиенты: Валеев, Кандыба, Коденко – опять с добычей – принесли бутылки сдавать.

– И где берете? – притворно удивился Ли Бо.

– Места надо знать, – самодовольно сказал Валеев.

И пока они выкладывали тару в заранее приготовленные ящики, Ли Бо разливал по стаканам "Льдинку" – средство для полировки мебели.

– Полирнем? – привычно спросил Ли Бо.

– А то! – подтвердили добытчики.

– Ну, как он? – спросил Валеев, "полирнув" и закусывая мученым горохом.

– Спит, – несколько таинственно сообщил Ли Бо.

– Не говорит?

– Бормочет что-то на непонятном языке. По-моему, похоже на санскрит.

– А это как?

– Древний язык.

– А-а! Санскрит!

– И вот еще – из бумаг только это, – Ли Бо извлек четыре иностранных паспорта со знакомыми фотографиями и неведомыми головастиками слов.

И все. Никаких иных выходных данных. Троица повертела паспорта так и сяк, да и вернула обратно.

– Значит, рюкзак его, – сказал Валеев и кивнул Коденко.

– А мы хотели тебе его впарить. Не судьба, – сказал Гарик.

Он извлекает предметы, складывает горкой и их значительно больше, чем может поместиться в рюкзаке. Автомат "С-Т", глубоководная мина-mini, шприцы, препараты в упаковке и т.д.

Ли Бо достает какой-то яркий пакет, вертит его в руках, как мартышка очки, затем вываливает на землю содержимое – куча тонкой резины, словно презервативы для слона.

Нечаянно дернул за колечко, и что-то зашипело.

Все четверо бросились в канаву, зажав уши.

Но взрыва не последовало.

Они осторожно выглянули – на траве в неприличной позе лежала резиновая девушка и похабно им улыбалась.

– ППЖ! – сказал задумчивый Валеев.

– Что?

– Походно-полевая жена!

– А! – и Ли Бо зацокал языком.

А лучик солнца, поиграв блестящими пряжками чемодана, полоснул по стаканам, брызнул электросваркой от перстня Ли Бо и исчез…

ОБЩЕЖИТИЕ. НЕНАВИСТНОЕ УТРО НОВОГО ДНЯ.

... но не пропал.

Лучик метнулся к окошку Дили, нецелованной девушки 50-ти лет, коменданта женского общежития ЦОР (цех обработки рыбы).

Диля потянулась, сладко зевнула. Она была влюблена. В кого – мы узнаем потом.

Гигантская кукла, сидела тухесом на чайнике и шибко напоминала хозяйку.

Кто мог обладать такой женщиной?

Только карлик.

Она – как укор всем мужчинам в их несостоятельности.

Следует сказать, что если лучик солнца падал на окошко лавки Ли Бо, – было ровно 6.00, что подвигало корейца вставать и настраивать тонкий инструмент торговли, а если же щекотал нецелованные губы Дили, то 6.30, и пора было поднимать девушек, буквально выдергивать из теплых постелей и жарких объятий. Не нужно было иметь в поселке ни наручных, ни карманных часов. Вашины часы словно дирижировали жизнью поселка и являлись в нем объединяющим и организующим началом.

Диля поднялась из розовой девичьей постели и пошла по коридору общежития, стуча в двери, нежно и томно покрикивая:

– Ну, бляди, вставайте, пора на работу!

В ответ раздавались звки с визгом и глухое мужское ворчанье.

Флора привстала с постели, разглядывая спящего с ней рядом – с кем же ей пришлось заночевать, невинной? Оказалось – с Гариком. Она подскочила и стала шарить по карманам, разыскивая оставшиеся деньги.

Следует сказать, что Флора была глухонемая сирота, вернее просто немая, к ней так привыкли, и она так точно изъяснялась мимикой и жестами, что, в общем-то, никто не замечал ее немоты. Всем казалось, что слышат ее голос и даже могли сказать, какой тональной окраски.

Голос: ну вот, разве от них, козлов, добьешься благодарности? Мучит всю ночь, словно у него там отбойный молоток, и нет, чтобы по-человечески, как надо, по-русски, куда там! И так давай, и эдак, по-французски, армянски. Интернационалисты хреновы, то 66, то 96, а этот даже предложил 666. Дура, не согласилась – интересно, как это?

А в соседней комнате Анка-пулеметчица выясняла, где она спала – койка была одноместной, а их было трое – она и два рыбака.

– Ты где спал?

– Я здесь.

– А ты?

– Здесь.

– А я?

– Здесь.

– Так место всего одно! – изумлялась Анка.

Слева, впритык покосившейся торцевой стены притаилась разноугловая комната Камардельки. Камарделька лежала, уткнувшись в гору подштопанной ментовской рванины. Мужской торс двигался нервно, но мелодично. На оголенном заду разухабисто перебирал цепями смешливый цементовоз.

– А…

Раздался торопливый выдох сливного бачка, движение, как в полудреме остановилось…, все раскинулось…

Женская рука потянулась к вентилятору, он завращался.

... И, наконец, к полудню зайчик попал в окошко к Малышу.

Лет Малышу было немного, эдак 17, но жизнь он прошел сложную и напряженную, полную неудач и падений, разочарований и сомнений, в крайнем случае, ему так казалось. Пинчер был влюблен. Всерьез и надолго.

Копия объекта этой сумасшедшей любви висела тут же на стенке в виде фотографии из журнала. Что-то вроде Изабель Аджани. Он подбирал на гитаре "Кукушечку".

Малыш смотрел на ее прикрытые веки и, казалось, что в ответ она тоже щурится, слегка улыбаясь, и сердце сладко щемило.

Дверь в другую комнату была открыта. Там – живая картинка. За столом сидит мать, подперев щеку рукой. Маленькая девочка читает вслух, не выговаривая много букв. Видна передняя часть самогонного аппарата. А именно: так называемый "куб" со змеевиком и выходящая из него медная трубка, по которой капает в кастрюльку ароматная жидкость. На столе стоит четверть с лейкой. Ногами вперед на топчане спит мужик. И если бы он не почесывался сквозь сапоги, можно было бы подумать, что это картинка.

Девочка читает: "Понеже имя свое славил за всякою чашею, и аз сие есть кровь моя, прославлю его во царствии небесном во веки веков".

В окошко Малыша постучали.

Он нехотя приподнялся с постели и, не глядя на окошко, грубо спросил:

– Кого там?

Тишина.

Тогда он повернулся к окну и обмер – на него смотрела его любовь! Тот образ, который терзал и мучил его и во сне и наяву.

Она постучала снова, показывая знаками, чтобы он открыл окно и молчал.

Малыш лихорадочно стал дергать шпингалеты. Один совсем заржавел, но Малыш так рванул раму, что выдернул его с куском подоконника.

Это была, конечно, Флора, но наваждение застлало глаза Малышу – это была Она.

Ошалело он посмотрел на портрет, затем опять на Флору – сомнений не было.

Флора протянула руку Малышу, и тот втянул ее в комнату. Флора сразу же захлопнула окно, села на постель.

Она была несколько взволнована, и под ее левым глазом расцветал фингал.

Флора стала жестикулировать, повествуя о бедах и печалях, выпавших на ее долю, Малыш молча слушал, но суть доходила до него без труда, как уже говорилось, Флора так доходчиво объясняла руками и губами, что хотела сказать, что, казалось, тут же звучал ее голос.

Голос: вот, слушай, захожу я к Анке, ну, знаешь, Анка-пулеметчица, а там у нее кого только нет! Ну и погуляли. А у Гарика кто-то гаманок звиздил. Все подумали – я. Ну и видишь, – Флора показала на глаз, – чем это кончилось.

А Флора, бесстыжая, развалилась на постели в своей короткой юбке, улыбаясь, сияя другим, еще не подбитым, глазом, оглядела комнату – какие-то гильзы, кости доисторического чудовища, потрепанные книги, статуэтка без головы, арифмометры, десяток часов разной модификации, огромный кусок чаги, капа, выпиленный из березы, и прочая чепуха детства.

Голос: на помойке собрал? То-то запах у тебя здесь как в сарае. Чем шмонит?

Малыш: Чимергес, – и кивнул на соседнюю комнату.

Малыш смутился. Он не знал, куда девать глаза, потому как Флора совсем его не стеснялась и позволяла себе позы откровенней некуда.

Голос: ну что ты как лом проглотил? Я к тебе по-человечески, а ты как мышь на крупу. Мне нужна твоя помощь. Выручи меня.

– Да что нужно? Конечно!

Голос: спрячь вот этот лопатник – я нашла его-таки, в коридоре валялся.

– Так отдай Гарику, – посоветовал Малыш.

Голос: ну да! Теперь точно решат, что я, и тогда, точно убьют, а хуже того – покалечат.

Флора извлекла откуда-то из-под юбки кошелек и сунула Малышу под подушку.

Голос: открой окошко... А то еще подумают…

И Флора весело засмеялась. А смех-то был убийственный. Смех-колокольчик, издающий колебания такой частоты, что от него не только уши вянут, но и душа гибнет человеческая. Особенно юная, неокрепшая...

Тут он окончательно погиб!

МАЙДАН. У ЛАВКИ ЛИ БО.

А тем временем на Майдане собирался народ.

То были Гарик, по кличке Армян, помятый, мрачный и задумчивый профессор и Кандыба.

Ли Бо кивнул приветливо гостям, продолжая раскладывать на картах пасьянс.

Карты были корейские, где вместо мастей – цветочки разные, лилии, лотосы, а то и вообще неизвестная европейцам флора.

– Узе открыто! – сказал Ли Бо, изображая тонкую восточную улыбку на своем всегда настороженном лице.

– Тут вот написано, – Ли Бо открыл амбарную книгу "Для жалоб и предложений", – ты, – он ткнул пальцем в Гарика, – был пьяный, и у тебя слямзили кошелек. Кто – догадайся сам.

– Я уже догадался, Ли Бо – мрачно буркнул Гарик.

Друзья тоже мрачно посмотрели друг на друга – денег не было. Нашелся Кандыба.

– Да, кстати, – сказал он с нарочитой веселостью, – вчера мне рассказали анекдот про чукчу.

Ли Бо вздрогнул – налицо явная провокация!

Друзья поняли тонкий замысел Кандыбы – мгновенно разыграли партию.

– Давай! – мучительно изображая радость, сказал Профессор.

– Нэ надо! Нэ люблю, намеки всякие... – отмахнулся Гарик.

Невдалеке рыбаки развесили большую дырявую сеть и принялись тоскливо чинить лохматые бреши, потягивая заунывную песню.

– Да, слушай, – форсируя корейский акцент, высунулся из-за стойки Ли Бо, – пасьянс сосолся! Эт ж надо! Он сходится раз в сто лет!

– С тебя стакан!

– Стакан, стакан! – подтвердил Ли Бо.

И действительно – поставил друзьям полный стакан водки – 200 грамм.

– И то дело, – сдержанно сказал Гарик, взял стакан и разлил его на троих.

– Двести разделить на троих – будет 66 граммов и 6 в периоде, – быстро подсчитал Ли Бо, – в результате получается 666 – число зверя. Эта пьянка не просто начинается. Я думаю, не просто и кончится.

– Так вот, что я хочу вам сказать, – без предисловий начал повествование Гарик, – видел я днесь...

– Как? – уточнил Кагарлык.

– Слушай сюда, – свистнул Гарик, – ездил я с Валеевым за лущпайками, и видели мы необычайного зайца. Про таких и не слышал. Во-от такой, – показал рукой около метра.

– Хо-хо! – сказал Кандыба. – Это звонок!

– Откуда?

– Оттуда, – ткнул пальцем в ясное утреннее небо Кандыба.

– А может, больной заяц? Гипофиз или радиации нашелся, – предположил Гарик.

– А он не зеленый был? – поинтересовался Кагарлык.

– Хоре тюльку гнать. Я сам глазам не поверил. Если бы не Валеев – подумал бы, что началось... Но Валеев сам об этом подумал. Потом решили, что не нашей породы. Американский. Из зоопарка сбежал.

– Э-э! Так оно по ночам блекочет и смеется? – задумчиво спросил Ли Бо.

– Оно! Оно, – подтвердил Гарик и округлил глаза, – бегает ночью и хохочет – аж мурашки по коже!

– А плачет кто? Оно? – спросил Валеев, подошедший со складным стаканчиком.

– Нет… плачет кто-то другой, – слушал как-то. Молится, плачет и матерится.

Ли Бо вдруг вышел из-за стойки и, все также улыбаясь тонкой восточной улыбкой, поставил перед друзьями бутылку водки и закуску.

– Наша... Сакэ. А это – закуска. Кимчи... Куки...

Друзья уставились на Ли Бо, пораженные поступком. И каждый из них предположил наличие восточного коварства.

– И это все нам? – подозрительно спросил Кандыба.

– Да, – кивнул Ли Бо, улыбаясь.

– Внутрь? – уточнил Гарик.

– Нет, наружу, – хохотнул Ли Бо, – растираться.

Кандыба разлил по трем стаканам водку, задержался над четвертым.

– Долбанешь? – спросил он Ли Бо.

– И долбану, – подтвердил Ли Бо.

Они подняли стаканы и только тут друзья заметили, что в бутылке имеется змейка, черненькая такая, с серебристым брюшком.

Всех передернуло, а Гарик, воспитанный на тысячелетней культуре пития, закрыл глаза, выпил, а затем зажал рот рукой, чтобы, пардон, не блевануть, пардон...

Прошло! Только Гарик долго пучил глаза, прислушиваясь к своему нутру, но и у него прошло.

Повеселели.

– Ну так вот, а что если вы его поймаете? – вдруг сказал Ли Бо, глядя прямо в глаза каждому.

– А зачем? – спросил мрачный Кандыба.

– Кроликов решил развести для торговли? – загорелись глаза Гарика.

– Повыдрючиваться? – предположил Кандыба.

– Посмотри вокруг, – возвышенно сказал Ли Бо, – что ты видишь?

Кандыба осторожно оглянулся и грубо сказал:

– Дерьмо… Родину.

– Ну-у, – укоризненно сказал размягченный Ли Бо, – а ты, Гарик?

– Тоже, – грустно подтвердил Гарик.

– Ну гору вижу, тучку вижу, – стал перечислять Кандыба, довольный, что прижилось сакэ, – вон Флора вылезла из окна Мальша. Уже с ним сношается. Курва.

● *Михаил Коновальчук и Ксения Чурина на съемках фильма "Славянский марш"*

Продолжение следует